

Мазаев В.В.,

студент

2 курс, магистерская программа

«Юрист в государственных органах и международных организациях»

Саратовская государственная юридическая академия,

Институт магистратуры

Россия, г. Саратов

ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

***Аннотация:** Исследователи поднимали вопросы о восстановлении травмирующих ситуаций, таких как Холокост, бомбардировка Хиросимы, война во Вьетнаме или братоубийственная резня в Югославии. Хотя некоторые классические исследования выявили важные аспекты, связанные с историей и памятью, существует несколько способов обращения с прошлым, все из которых связаны с интересами, властью и отчуждением. Политика справедливой памяти в отношении преступлений, совершенных в прошлом, дискуссия, в которую вовлечены различные научные области, а также общество в целом, зависит от процессов отбора, а также от элементов, которые выходят за рамки человеческого разума. Необходимо найти баланс между одержимостью прошлым и попытками навязать забвение. Таким образом, наша цель состоит в том, чтобы расширить наше понимание истории, памяти и забвения, подчеркивая их пределы, а также их этические и моральные последствия.*

***Ключевые слова:** история, память, историческая память, забвение.*

***Annotation:** Researchers have raised questions about recovering traumatic situations such as the Holocaust, the bombing of Hiroshima, the Vietnam war or the*

fratricidal massacres in Yugoslavia. Although some classic studies have identified important aspects relating to history and memory, there are several ways of dealing with the past, all of which involve interests, power and exclusion. The politics of just memory with regard to crimes committed in the past, a debate in which various academic areas as well as society in general have been involved, depends on processes of selection and also on elements which extend beyond the scope of human reason. It is necessary to find a balance between an obsession with the past and attempts to impose forgetting. Our aim, therefore, is to extend our understanding of history, memory and forgetting, emphasizing their limits as well as their ethical and moral implications.

Key words: *history, memory, historical memory, forgetting.*

Введение

Цель этой статьи – исследовать конфликт между памятью и забвением, который присутствуют в дебатах о сохранении и распространении архивов, связанных с войнами и периодами политического угнетения. Дискуссия о правосудии за преступления, совершенные в прошлом, в которую были вовлечены различные научные области, а также общество в целом, в значительной степени опирается на документы и свидетельства, хотя и не зависит исключительно от них. Однако общества не всегда предпочитают помнить. Очевидно, что наша цель состоит не в том, чтобы посвятить все это обсуждение запоминанию и забвению, а скорее в том, чтобы расширить наше понимание этих терминов, и это также подразумевает установление их пределов.

Первая часть этой статьи основана на работах социологов, историков и философов, таких как Морис Хальбвакс [1, с. 133-175][2, с. 76-89], Пьер Нора и Поль Ричер [3, с. 33-52], посвященных коллективной памяти. Исторические повествования, которые руководят организацией архивов, коллекций и музеев, напоминают нам о том, что прошло, или, другими словами, о том, чего больше

нет среди нас. Однако они не раскрывают абсолютной истины; вместо этого они подводят нас к процессу построения коллекций на основе конфликтующих интересов. Память действует как избирательный процесс и может стать политическим оружием для жертв войны и геноцида, когда забвение установит свою гегемонию.

Вторая часть этой статьи посвящена случаям, в которых в том, что следует запомнить, задействовано более одного процесса отбора. Такие авторы, как Жорж Батай [4, с. 221-235] и Макс Шелер [5, с. 124-152], представляют ситуации, в которых отдельные люди и сообщества могут быть неспособны передать то, что они узнали из опыта и боли, оглядываясь на прошлое. Память не просто подчиняется разуму, поскольку она также связана с унаследованными традициями, которые являются частью нашей идентичности и которые мы не можем контролировать, и, кроме того, с глубокими чувствами, такими как любовь, ненависть, унижение, боль и негодование, которые возникают независимо от нашей воли.

В результате этих вызовов в третьей части этой статьи представлены различные исторические ситуации, в которых конструируются альтернативы с целью преодоления дистанции между прошлым и настоящим и установления повестки дня, в которой воспоминание связано с возможностью забвения.

Избирательный процесс запоминания

Морис Хальбвакс был первым социологом, который применил тему памяти к области социального взаимодействия. Отвергая распространенную в то время идею о том, что память является результатом воздействия реальных событий на человеческий разум, он выдвинул тезис о том, что люди сплетают свои воспоминания воедино на основе различных форм взаимодействия, в которые они вступают с другими индивидами. Поэтому одни воспоминания повторяются в семье, другие - среди рабочих на фабрике и так далее. Поскольку индивиды не принадлежат только к одной группе, но вовлечены во множество социальных отношений, индивидуальные различия в каждом

воспоминании выражают результаты траектории каждого человека на протяжении всей его жизни. Индивидуальная память лишь раскрывает сложности социальных взаимоотношений, переживаемых каждым человеком.

Таким образом, общая заслуга работы Хальбвакса заключалась в том, чтобы показать, что индивидуальная память не может быть отделена от коллективной памяти. Индивид сам по себе не имеет контроля над восстановлением прошлого. Память формируется индивидами, взаимодействующими друг с другом и социальными группами, и индивидуальные воспоминания являются результатом этого процесса. Даже если индивид может думать, что его память строго личная, поскольку она вспоминает события, в которых участвовали только они, или факты и объекты, свидетелями и переживаниями которых были только они, на самом деле она коллективная, поскольку индивид, даже если он один, является продуктом социальных взаимодействий и смотрит на мир через коллективные конструкции, такие как язык. Если заблудиться в одной и той же пустыне, у двух людей из разных культурных традиций будут разные воспоминания, описания и чувства, связанные с их опытом. Строго говоря, они не будут индивидуальными, поскольку, как утверждает Хальбвакс, индивид никогда не бывает одинок.

Делая память предметом социальных наук, Хальбвакс повторяет аргумент Дюркгейма о преобладании коллективного сознания над индивидуальным. Этот акцент Хальбвакса на коллективных представлениях был теоретически уравновешен другими, которые исследовали участие социальных агентов в интерактивных процессах. Память, традиция и история рассматриваются некоторыми авторами как коллективные представления, активно формируемые социальными субъектами.

Вера в разрыв между прошлым и настоящим и в продолжающуюся реконструкцию прошлого настоящим доводится до крайности учеными, исследующими концепцию детрадиционализации. Такие авторы, как Энтони

Гидденс [6, с. 99-121], Ульрих Бек и др. и Скотт Лэш [7, с. 133-139], утверждают, что современные люди обладают большой автономией по отношению к традициям, будучи отстраненными и свободными участвовать в новом опыте. Для них современные общества характеризуются ускоренными темпами изменений, а уникальность отдельных людей определяется их удаленностью от коллективного прошлого опыта. Они считают, что чем более нестабильными и изменчивыми являются социальные взаимодействия, тем более важными становятся индивидуальные действия или, другими словами, их способность к выбору и принятию решений. В этом контексте исторические повествования отражают непрерывный процесс отбора и реконструкции следов прошлого.

Таким образом, и история, и память имеют дело с прерывностью современного времени. Очевидно, что все еще есть авторы, которые верят в связь между прошлым и настоящим. Французский философ Поль Рикер умел не только контекстуализировать, но и умело переплетать память, историю и забвение. По его мнению, память - это постоянная задача, которая всегда способна накладываться на заранее установленные структурные процессы.

Наша цель в этой статье – показать, что существует значительное разнообразие подходов к прошлому, почти все из которых пронизаны напряженностью, конфликтами и спорами. Память, история и забвение – это необходимые переживания, которые не смешиваются и не дополняют друг друга. В настоящее время мы оказываемся далеки как от представления об истории как о достоверной записи прошлого, так и от сведения памяти к своего рода выборочной реконструкции прошлого. Поэтому фундаментальный шаг, который необходимо предпринять, – это понять, что в реконструкции прошлого нет ничего естественного.

Создание архивов, классификация данных и организация мероприятий и торжеств – это виды деятельности, связанные с памятью, которые играют важную роль в обществе, в котором мы живем. В любой момент времени

всегда идет постоянная и значительная политическая борьба, связанная с созданием и сохранением архивов, относящихся к периодам господства и насилия, в ходе которых нарушались права человека. На протяжении всего 20-го века основное требование жертв тоталитарных и репрессивных правительств находило выражение в движениях по восстановлению памяти. Архивы, артефакты и рассказы о прошлом использовались в качестве доказательства прошлого, которое было намеренно забыто в официальных версиях истории, в попытке собрать все, что было оставлено в подвешенном состоянии истории. Таким образом, память ассоциируется с теми, кто обладает властью, поскольку они решают, какие повествования следует запоминать, сохранять и распространять.

В Латинской Америке в 1980-х годах военные диктатуры сменились демократическими правительствами. В различных странах было введено законодательство, предусматривающее амнистию и помилование, позволяющее бывшим противникам режима реинтегрироваться, но в то же время препятствующее судебному разбирательству тех, кто был ответственен за пытки и другие варварские преступления. Только в последние годы пакты о помиловании и забвении начали пересматриваться. В 2006 году впервые в Бразилии жертвы похищений и пыток при военном режиме, чьи жизни были жестоко искалечены, поставили под сомнение Закон об амнистии, принятый в 1979 году.

В Аргентине только в последние годы были поставлены под сомнение так называемые законы о помиловании, и суды приступили к рассмотрению преступлений, совершенных государственными служащими, связанными с военной диктатурой. Это также произошло в Уругвае и Чили.

Различные дебаты об истине и примирении в Южной Африке после апартеида также можно понимать, как результат шаткого политического соглашения, которое стремится утвердиться. Сила, заключенная в воспоминаниях, настолько сильна и сложна, что даже оппозиция, когда она

приходит к власти, не всегда может поощрять воспоминания о прошлом, которые были подавлены. Посреди ненависти и негодования, которые накапливались на протяжении многих поколений, что можно вспомнить? В качестве инструментов власти память и забвение использовались различными правительствами, как тоталитарными, так и демократическими, для обеспечения политического контроля над противостоящими силами. Таким образом, забвение также служило политической стратегией, используемой демократическими правительствами в определенные моменты. Предыдущие примеры важны, потому что они показывают нам, что ассоциации между памятью, автономией и свободой, с одной стороны, и забвением и авторитаризмом, с другой стороны, не могут быть обобщены.

Поведение Соединенных Штатов во время войны во Вьетнаме еще должным образом и публично не обсуждалось на мировых форумах, и можно сказать, что есть о чем вспомнить. Автобиография Роберта Макнамары [8, с. 221-280], тогдашнего министра обороны, ясно показывает, что многие допущенные ошибки до сих пор не были должным образом оценены. Те, кто поддерживал решения о проведении разрушительной резни вьетнамских мирных жителей с использованием напалма, токсичных газов и массированных бомбардировок, все еще близки к власти. Моральная слепота, которая все еще царит сегодня во Вьетнаме, может быть связана, с одной стороны, с преемственностью власти Соединенных Штатов в международных делах и, с другой стороны, с неспособностью американского общества дистанцироваться от совершенных преступлений. Таким образом, архивы и свидетельства, несомненно, важны для различных противоборствующих сил, и их политические последствия имеют большое значение в политических спорах.

Столкнувшись с невозможностью вспомнить прошлое

Как первоначально говорилось, не все, что относится к прошлому, является объектом сегодняшних переговоров. Новейшие историографические

подходы сделали поиск прошлого более сложным, чем просто взаимодействие интересов современности. Такие авторы, как Хейден Уайт [9, с. 110-125], отказываясь от поиска оригинального, неязыкового присутствия, сводят все подходы к попыткам интерпретации, которые ограничены областью языка.

Это не только не придает абсолютного значения повествования о природе события, но и их политические последствия. Одной из характерных черт современной историографии является систематический пересмотр политических конфликтов в современную эпоху. Во Франции, помимо пересмотра основных событий, связанных с Французской революцией, наследие правительства Виши постоянно переосмысливается.

Некоторые исследователи также изучают память в ситуациях, связанных с крайней агрессией и насилием. В данном случае наблюдалась неспособность жертв отреагировать. Неспособные понять пережитые ими переживания или приписать им значение, они становятся неспособными избирательно использовать свои воспоминания. Таким образом, память не может быть сведена к политическому инструменту; она выходит за рамки попыток контролировать ее.

Попытки восстановить травмирующие ситуации, подобные тем, которые имели место во время Холокоста, бомбардировки Хиросимы, войны во Вьетнаме или братоубийственной резни в Югославии, имели тревожный эффект, лишая эти катастрофические события ощущения трагедии, которое они содержали в прошлом. По словам Жоржа Батая, раскрытие последствий бомбардировки Хиросимы стало противоположностью раскрытию фактов. Иными словами, человеческое представление об этой катастрофе не способно точно передать масштабы события и, вместо этого, имеет извращенный эффект, делая банальным то, что на самом деле не так. По его мнению, поскольку нет слов для описания ужаса, чувство ужаса не может быть отправной точкой для попыток описать этот ужас (там же). Давая объяснение

тому, что произошло, рассказанная история служит оправданию неоправданного насилия и изгнанию его из коллективного воображения.

Возможность репрезентации реальности – это всегда вызов. Мы можем понять, что нет слов, чтобы описать ужас, и что те, кто пытается объяснить это, в конечном итоге исключают любую возможность столкнуться с трагедией лицом к лицу или исправить ее. Люди находят убежище в действии, но не всегда решают проблемы, связанные с насилием и страданиями, которые являются основными составляющими человеческой жизни. Исследователи в различных академических областях были вовлечены в изучение возможностей реконструкции и объяснения травмы.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что окончательного решения в отношении памяти не существует. В некоторых случаях забвение может быть не только выбором, но и данным фактом.

Реакция новой историографии

Историки, работающие в области современной истории, и особенно устной истории, были озабочены созданием пространства внутри исторического повествования, в котором можно было бы ценить субъективность, чувства и человеческий опыт. Эта озабоченность вылилась, с одной стороны, в постоянные усилия по выявлению наиболее тонких и замаскированных форм господства – очень часто устанавливаемых посредством реального социального процесса конструирования памяти, с другой стороны, в спасение воспоминаний, переживаний и существований, которые были скрыты и замалчивались. Новая историография дает возможность высказаться тем, кто не фигурирует в документальных записях, позволяя восстанавливать групповые истории в небольших масштабах. Посредством отчетов, построенных на основе личной траектории каждого индивида, которые, хотя и частичны, содержат глубину и моральные очертания, связанные с этой субъективностью, они ищут элементы, которые ускользнули от других форм анализа.

Работа Сильвии Сальватичи, итальянской исследовательницы, которая изучает влияние насилия во время войны в Косово на основе устных заявлений иммигрантов. Два ее текста были опубликованы в журнале *Revista de História Oral*. В двух работах [10, с. 8, 29-42] [11, с. 115-127], которые в значительной степени дополняют друг друга, Сальватичи выделяет важную проблему: новый и показательный акцент, который делается на построении исторического повествования с помощью высказываний женщин. Она подчеркивает тот факт, что устная история и история женщин развивались вместе и взаимно усиливали друг друга. И то, и другое возникло из стремления спасти то, что не было записано для истории и что в большинстве случаев основывалось только на свидетельских показаниях и устных заявлениях, которые нужно было запомнить и понять. Обе области были озабочены спасением этого “голоса прошлого” и предоставлением ему места в истории. Для исследователей устной истории и истории женщин это была воинственная политическая проблема, и когда обе области пересеклись, история действительно столкнулась с чем-то новым.

В своем эмпирическом исследовании Сальватичи показывает нам богатство переживаний, отмеченных женской субъективностью и гендерным поведением и позициями, определяемыми военной ситуацией. Она воспроизводит высказывания женщин, побывавших в концентрационных лагерях, работавших на сопротивление и переживших гражданские войны, привнося в историю целый аспект человеческого опыта во времена войны и господства, который ранее был неизвестен и скрыт. События и переживания, связанные с изнасилованиями, тайными родами, абортами, уходом за больными, защитой детей, накоплением продуктов питания, изготовлением одежды или даже маскировки, а также импровизированными способами борьбы с холодом и голодом во времена крайней нехватки, теперь входят в историю. Другие заявления женщин описывают опыт тайной любви, поцелуи, которыми обменивались через баррикады, поспешные браки, одинокие

беременности, радость успешных родов в сложных обстоятельствах. Романтическая сторона политической деятельности во время войны раскрывается в устных рассказах и заявлениях женщин. Короче говоря, они раскрывают широкий спектр переживаний и способов противостояния войне и тирании, которые ранее были неизвестны и не фигурировали в исторических отчетах и записях, или даже в заявлениях людей, которые пережили эти ситуации. Большинство из этих заявлений были сделаны мужчинами и основаны на мужском опыте в тюрьмах, концентрационных лагерях и группах сопротивления. Типично женский опыт такого рода травмирующих ситуаций может быть освещен только с помощью сочетания устной истории и истории женщин. Только таким образом исследователи смогли привнести в историю измерение человеческого опыта и существования, которое было полностью проигнорировано, поскольку оно было основано на женской субъективности, исключенной из исторического повествования.

Другим историком, который поднял важные вопросы, касающиеся взаимосвязи между политикой и субъективностью, является южноафриканец Джонатан Гроссман [12, с. 3]. Его текст «Насилие и молчание: переписывание будущего», также опубликованный в указанном журнале, проливает свет на драматические последствия политического процесса, который пытался игнорировать, а в определенные моменты и подавлять субъективность участников политического процесса. История Южной Африки. В тексте Гроссмана анализируется политический процесс национального примирения и восстановления социального договора в стране после прекращения режима апартеида. Он уделяет особое внимание работе Комиссии по установлению истины и примирению, целью которой было возмещение ущерба, причиненного жертвам, и разработка политики в области прав человека.

Гроссман поднимает важный момент: Комиссия рассматривала всех, кто пострадал от рук режима – через тюремное заключение, пытки, подполье, жестокое обращение или унижение – как жертв. Этим людям призвали сделать

заявления и описать перед Комиссией, что они пережили. Не соглашаясь с важностью этой работы, Гроссман обращает внимание на тот факт, что бесчисленное множество людей, особенно молодежь, хотели выступить с заявлениями перед Комиссией, но не в качестве жертв. Они хотели записать свои достижения в борьбе, сопротивлении, сражении. Они чувствовали себя не жертвами, а скорее героями боя. Однако для них не нашлось места; их заявления не были востребованы или записаны. Комиссия искала не героев, а жертв. Многие из этих молодых людей отвергали превращение в жертв, они не считали себя таковыми и не хотели такой роли в истории. Однако Комиссия по установлению истины и примирению не предоставила им места и не была заинтересована в такого рода исторических записях.

Гроссман обращает внимание на политический процесс, который “ставит страдание выше вовлеченности и политического сопротивления”: “Поскольку основное внимание уделяется только боли, люди, которые пережили весь опыт выживания и сопротивления, в конечном итоге превращаются просто в жертв, и тот факт, что они также выжили и сопротивлялись, не является принято во внимание”. Со стороны этих молодых людей наблюдался отказ принять роль жертвы и желание утвердить свою идентичность, связанную с идеей сопротивления. Эта субъективность, по мнению Гроссмана, была исключена из политического процесса после апартеида, и это должно было подпитывать мощные потоки негодования в южноафриканском обществе, вплоть до опасной угрозы успеху процесса политического примирения.

Теперь мы хотели бы прокомментировать актуальность другой работы – на этот раз из области антропологии, – в которой обсуждается взаимосвязь между субъективностью и политикой. Книга Кимберли Тейдон [13, с. 32-40], антрополога из Гарвардского университета, которая много лет изучала Перу, знаменательно озаглавлена "Начало войны: международный конфликт и политика примирения в Перу". Книга посвящена вооруженному конфликту,

который произошел в Перу в 1980-х годах в результате политических действий экстремистской группировки "Сияющий путь". Он основан на полевых исследованиях, проведенных в Аякучо, регионе, где в результате вооруженного конфликта в Перу погибло наибольшее число жертв, большинство из которых были представителями коренного населения. Тейдон изучил семь общин коренных народов, которые пострадали и причиняли страдания. Ее отправной точкой было то, что жители общин коренных народов (а иногда и целых общин) чувствовали себя вынужденными вступать в союз либо с сендеристами, либо с Вооруженными формированиями. Именно эта характеристика придала вооруженному конфликту в Перу – по крайней мере, в регионе Аякучо – статус гражданской войны. Это натравило крестьян и индейцев, объединившихся с экстремистской группировкой, на крестьян и индейцев, которые поддерживали Вооруженные формирования.

Вопрос, который Тейдон исследовала в своей обширной полевой работе, касался гражданского участия в убийствах и насилии, совершаемых и испытываемых коренным крестьянским населением: "Как люди начали убивать самых близких им людей? Как повседневная жизнь и субъективности стали милитаризованными и демилитаризованными?". Это вопрос, поставленный в предисловии к книге. Тейдон специально исследует вопрос конструирования субъектности во времена гражданской войны, опыт социальных групп, которые были политически покинуты, которыми манипулировали партизаны и Вооруженные силы и которые были вовлечены в насильственные конфликты с соседями, родственниками и знакомыми. Она исследует отчаяние и политику. Интересно отметить, что перуанский вооруженный конфликт – война между экстремистской группировкой и Вооруженными силами, имевшая место в Аякучо, – лишь совсем недавно стал объектом исторических и социальных исследований. Еще совсем недавно эта тема была нерушимым табу. Только сейчас появились описания этого опыта, и даже в этом случае с большим трудом. Тейдон описывает огромные

проблемы, с которыми она столкнулась при получении устных заявлений о войне. Крестьяне и индейцы не хотели говорить – а тем более быть записанными – на эту тему.

Поскольку это история, которая была замалчиваема и, в различных смыслах, держалась в секрете, Тейдон указывает на необходимость иметь возможность расшифровывать различные типы языка для изучения этой темы. Среди них она выделяет язык тела: необходимо понимать опыт, культурно информированный телом. Опыт крестьян и индейцев в этой гражданской войне – физическая боль, пытки, нищета и голод - был отмечен на теле. По ее мнению, тело - это место памяти, место, в котором запечатлен важный исторический опыт.

Теоретический и методологический вопрос, который Тейдон обсуждает в своей работе, заключается именно в этом включении конструирования субъективности в исторические и антропологические исследования, хотя это означает нечто большее, чем просто оценку субъективности в историческом повествовании. Она идет дальше, предлагая включить субъективность в качестве объекта и инструмента исследования. Ее цель – исследовать тела людей (ее свидетелей) - как они регистрируют и соотносят переживания страха, боли, унижения, а также надежды, счастья, облегчения и удовольствия; другими словами, все чувства и эмоции, пережитые во время войны.

Заключение

В этой статье основное внимание было уделено различным подходам, которые внесли эффективный вклад в формирование имеющегося у нас сегодня представления о том, что такое история, память и забвение. И все же, чем бы ни была память, она выходит за рамки человеческого разума и сопротивляется тому, чтобы быть захваченной определенной структурой. Когда нам нужно дать точное описание памяти, мы как будто оказываемся “плывущими по течению в виртуальном Саргассовом море лингвистической путаницы и забвения”.

Столкнувшись с целым рядом подходов и политических последствий, мы стремились подчеркнуть, что проблема для исследователей, исследующих прошлое, связана не только с поиском знаний, поскольку она затрагивает политические и моральные вопросы. Критика истории как средства произвольного установления происхождения, непрерывности или даже завершенности в отношении власти породила широкую дискуссию о взаимосвязи между знанием, моралью и властью. Бесчисленное множество исследователей были вовлечены в разоблачение нарративов, которые, хотя и раскрывают факты и события прошлого нынешним поколениям, воспроизводят господство и формы власти. Так называемая объективность и нейтральность подходов, которые стремятся восстановить прошлое на основе научных методов и строгих стандартов, могут оформиться в новые формы контроля.

Переплетая несколько интерпретаций истории, памяти и забвения, мы стремились показать, что существуют различные способы обращения с прошлым, все из которых связаны с интересами, властью и отчуждением. Политика справедливой памяти должна найти баланс между одержимостью прошлым и попытками навязать забвение.

Изучение того, что происходило в прошлом, и связанные с этим теоретические и методологические дебаты по-разному пытались отреагировать на ограничения репрезентации. Мы надеемся – и работаем с этой целью, – что новые пути помогут нам лучше узнать самих себя в эмансипирующем и освобождающем смысле. История человеческих существ не может быть создана путем игнорирования ни субъективности человеческого состояния, ни его пределов. В таком случае давайте не позволим нашим знаниям об этой субъективности служить средством, позволяющим некоторым людям создавать более эффективные способы контроля и доминирования над другими – это обещание исследователей, которые мы рассмотрели в ходе нашей дискуссии.

Использованные источники:

1. Хальбвакс, Морис; Александр, Дж. Х., Коллективная память. *Ouvrage posthume* публикация. Париж: PUF, 1950. — 133-175 с.
2. Хальбвакс, Морис, "Кадры общества памяти". Париж: Феликс Алкан, 1925. — 76-89 с.
3. Ричер, Поль, Воспоминания, история, Дубли. Париж: Сеил, 2000. — 33-52 с.
4. Батай, Джордж, "Относительно рассказов жителей Хиросимы", в книге К. Карута (ред.), Травма: исследования в памяти. Балтимор: Издательство Университета Джона Хопкинса, 1995. — 221-235 с.
5. Шелер, Макс; Фрингс, М.С., *Ressentiment*. Милуоки, Висконсин: Издательство Маркеттского университета, 1994. — 124-152 с.
6. Гидденс, Энтони, Последствия современности. Стэнфорд, Калифорния: Стэнфорд, 1990. — 99-121 с.
7. Бек, Ульрих; Гидденс, Энтони; Лэш, Скотт, Рефлексивная модернизация: политика, традиции и эстетика в современном социальном порядке. Стэнфорд, Калифорния: Стэнфорд, 1994. — 133-139 с.
8. Макнамара, Роберт С., В ретроспективе: трагедия и уроки Вьетнама. Нью-Йорк: Старинные книги, 1996. — 221-280 с.
9. Уайт, Хейден, Содержание формы: нарративный дискурс и историческая репрезентация. Балтимор: Джонс Хопкинс, 1987. — 110-125 с.
10. Сальватичи, Сильвия, "Воспоминания о женеро: размышления о том, как устная история о мулхересе", "История устная", Обзор Бразильской ассоциации устной истории, 2005. — 8, 29-42 с.
11. Сальватичи, Сильвия, "Повествования о насилии в Косово до послегерры", Устная история, Обзор Бразильской ассоциации устной истории, 2005. — 115-127 с.

12. Гроссман, Джонатан, “Виолончель и сила: переосмысление будущего”, Устная история, Обзор Бразильской ассоциации устной истории, 2000. — 3 с.

13. Тейдон, Кимберли, Начало войны: международный конфликт и политика примирения в Перу. Лима, 2004. — 32-40 с.